

Как организовать эффективную работу против наркотиков?¹

ХАЛЛБЕРГ Т.

директор организации «Города Европы против наркотиков» (ECAD)

Для успешного осуществления какого-либо проекта требуются четыре вещи: знание, стратегия, координация действий и руководство. Вы, возможно, слышали об этом и раньше, но что означают эти понятия в сфере борьбы с наркотиками? Могут ли они послужить основой для осуществления эффективной антинаркотической политики?

Знание для принятия верного решения

Что такое наркотики и что значит *злоупотреблять наркотиками*? Возникает различие уже в толковании этих понятий в разных странах и в разные периоды времени. В некоторых из них, например, каннабис не рассматривается как проблема, и поэтому с ним не борются. Наносимый им вред сравнивается с вредом табака, и самое большее, к чему призываются граждане, так это к осторожности. Интересно то, что сторонники подобной точки зрения не хотят признавать исследования, которые указывают на вредное воздействие каннабиса, и постоянно указывают на то, что «убедительных доказательств его вреда» все еще не получено. Хочу привести одно любопытное сравнение каннабиса и табака. По крайней мере, в течение 50 лет многочисленные исследователи предьявляли доказательства того, что курение приводит к раковым заболеваниям и другим болезням. Несмотря на это, общепризнанным оставалось сомнение в адекватности полученных результатов и оппоненты отказа от курения продолжали набирать очки. Те же, у кого был личный опыт знакомства с проблемой, чьи родственники или близкие друзья «накашлялись до смерти», были, и об этом можно говорить с уверенностью, склонны верить исследователям, которые говорили о вредном воздействии курения. Однако, несмотря на это, табачная индустрия праздновала свой триумф. По всему земному шару все больше людей из всех слоев общества начинали курить. Те, у кого не было личного опыта вредного воздействия курения, хотели получить неоспоримые доказательства этого.

Не нова придумка, что были и те, кто видел в курении опасность. Они появились задолго до того, как наука и ученые получили прекрасные современные исследовательские инструменты. Проблема заключалась не в том, что отсутствовали люди, понимавшие опасность курения, а в том, что эмпирический опыт всегда обладал способностью быстро забываться. Его следовало заменить исследованием. Что касается табакокурения, то в этой области данным науки все-таки удалось пробиться в массовое сознание. То, что в течение длительного времени предчувствовалось многими, наконец, стало общепринятой истиной: курение опасно для здоровья. Сегодня в большинстве стран мира это общепризнанный факт, не вызываю-

щий никаких сомнений. Во многих странах на упаковке сигарет указывается, что курение вызывает рак. Исследователи, которые доказали «темную сторону» курения, победили, и их готовы поддержать даже табакопроизводители. Они обратили внимание, что знание о вреде табака незначительно сказывается на объемах продаж. Люди курят, даже несмотря на то, что это опасно.

Развитие знаний о наркотиках следует примерно такому же образцу. Люди всегда понимали опасность, связанную с наркотиками, однако в наше время всему требуются научные доказательства. Относительно таких препаратов, как героин и амфетамин, мы можем уверенно сказать, что вопрос об их вреде решен. Но, если речь идет об экстази, рогипноле или каннабисе, многие по-прежнему сомневаются. Особенно в отношении каннабиса влиятельные общественные группы и даже отдельные страны делают все, чтобы преуменьшить представление о его вредности.

Когда 25 лет назад в Нидерландах обсуждался вопрос, какой путь в борьбе с наркотиками стоит выбрать, было достигнуто единство мнений относительно того, что героин и кокаин – опасные наркотики, с которыми надо бороться. В то же время относительно негативного влияния на человека и общество продуктов конопли согласия добиться не удалось. Исходя из этих положений и была сформулирована голландская наркополитика. Предполагалось, что, продавая менее опасный препарат отдельно, можно будет разделить наркорынок так, чтобы власти могли сконцентрировать ресурсы на так называемых тяжелых наркотиках. Родилась идея свободных «кафе-шопов». Стержнем голландской наркополитики явилось положение о том, что каннабис не опасен. Может, и не очень желателен, но и не особенно опасен.

Когда же страна превратилась в крупного производителя наркотиков, а большие города стали транзитными пунктами для их контрабанды, власти все равно не желали признавать свою ошибку. Получилось вовсе не так, как планировалось. Разделенный наркорынок не привел к уменьшению числа злоупотребляющих героином, кокаином, амфетамином или экстази по сравнению с другими странами. Голландцы не желают признавать, что их политика была основана на ошибочных представлениях. Новое знание потребовало бы ее разворота на 180 градусов.

Знание, которым обладает общественность, должно быть глубоко обосновано. Необходимы не только понимание того, что тетрагидроканнабинол опасен, но и обеспечение доступа к сравнительной статистике по различным странам, проводящим различную наркополитику. Даже если бы голландцы верили, что потребление каннабиса ведет к изменениям в мозговой деятельности, ухудшению памяти, раковым заболеваниям, шизофрении и т.д., это автоматически не привело бы к возникновению кампаний за ужесточение подхода к данному веществу. Для этого необходимо наличие общего знания о том, что в

¹ Материал предоставлен российским представительством организации «Города Европы против наркотиков»

других странах, проводивших другую наркополитику, результаты намного лучше. Но даже и это не гарантирует перемен, так как для этого требуется недовольство. Оно должно быть настолько сильным, чтобы перевесить те негативные моменты, которые влекут за собой грядущие политические перемены. Например, ограничение человеческих свобод может, отчасти, казаться большим недостатком, чем вредное воздействие каннабиса.

Определенное ограничение человеческих свобод необходимо для того, чтобы разобраться с проблемой наркотиков. Здесь мы сразу переходим к вопросам стратегии и методов. Так обычно и происходит, когда обсуждаются вопросы, связанные с наркотиками. Перескакивают ко второй части прежде, чем определятся с первой. Иными словами, начинают обсуждать методы, не договорившись о целях. А о цели нельзя договориться, пока нет общего знания.

То, что происходит, например, в Нидерландах, — это оказание предпочтения индивидуальной свободе перед опасностью употребления наркотика. Те, кто оберегают неприкосновенность личности, стремятся также к тому, чтобы скрыть отрицательные факты, связанные с наркотическими веществами, ослабляя тем самым давление на проводимую в стране наркополитику. Именно в этом свете и следует рассматривать положения либеральной наркополитики. Власть над умами невероятно важна для выбора способа действия.

Прежде всего, можно предложить своим исследователям опровергнуть результаты других исследователей наркотиков. Это делается для того, чтобы преуменьшить вредное воздействие разных наркосодержащих препаратов. Другой метод заключается в проведении контратаки. Речь идет о кампаниях за разрешение «медицинской марихуаны». Из названия ясно, что здесь претендуют на то, чтобы марихуана рассматривалась не как опасный наркотик, а как лекарственное средство. Уже при выборе термина стремятся перетянуть народ на свою сторону. Кто же захочет быть против того, чтобы помогать людям? Есть еще один момент в выборе слов. Поборники легализации ходят посредством такого высказывания показать, как будто есть разные сорта марихуаны и, в том числе, какой-то особый сорт для медицинского использования. Не тот случай. Мы имеем дело с тем же самым продуктом — коноплей посевной (*Cannabis sativa*) — с той лишь разницей, что он должен был бы помогать людям с различными болезнями. На самом же деле, это не более чем попытка вставить палки в колеса конвенциям ООН, где ясно говорится, что любое обращение с наркотиками должно быть запрещено, кроме медицинского использования.

В США защитники легализации долгое время проводили судебные процессы, чтобы классифицировать марихуану как лекарственное средство. Пока еще, насколько мне известно, ни один из этих процессов они не выиграли. Обе стороны в борьбе предъявляют научные доказательства, которые, как они считают, поддерживают их дело, но благоразумие пока побеждает. Это вопрос принципиальной важности. Если такой наркосодержащий препарат, как каннабис, будет классифицирован в качестве лекарственного средства, глобальная борьба против злоупотребления наркотиками значительно осложнится. Дело в том, что она имеет в своей основе первую Конвенцию ООН по наркотикам, в которой речь идет именно о каннабисе. Если сторонникам легализации удастся пробить брешь в единстве, царящем в понимании опасности каннабиса, признаваемом большинством стран мира, тогда они до-

бьются большой победы. Поборники легализации это понимают. Оттого и рвутся они выиграть процесс о «медицинской марихуане».

Еще один способ избежать того, чтобы политика ставилась под вопрос — подход к разрешению или запрету определенных исследований. Если решить, как это сделали в Голландии, что каннабис не опасен и поэтому может свободно продаваться без вмешательства властей в так называемых кафе-шопах, в таком случае важно, чтобы не появлялись данные о том, насколько в действительности опасным является этот препарат. Такая информация губительна для отвечающих за вопрос политиков, если выяснится, что они таким образом обманывали народ.

Во многих странах стремятся уточнить понятие *смерти, связанной с наркотиками*. Действительно, трудно с точностью определить, что означает «связанная с наркотиками», однако в качестве основы для политического решения важно пытаться найти адекватную связь между какой-либо формой злоупотребления и его последствиями. В Нидерландах решили не обращать внимания на все прочие причины смерти, связанной с наркотиками, кроме передозировок. У голландцев нет системы сбора данных по другим случаям, связанным с наркотиками, и, кроме того, нельзя быть абсолютно уверенными в полноте их статистики передозировок.

В Швеции власти в течение многих лет собирают комплексную статистику по случаям смертей, связанных с наркотиками, помимо передозировок. Например, самоубийство при обнаружении в крови каннабиса рассматривается как смерть, связанная с наркотиками. Сюда включаются и случаи гибели водителей в дорожно-транспортных происшествиях, если они находились под действием какого-либо незаконного наркотика. Честно говоря, убийство, совершенное в состоянии наркотического опьянения, должно тоже включаться в эту статистику. Если это не смерть, связанная с наркотиками, то что же это тогда? Если расширить это понятие, можно получить в несколько раз больше смертных случаев, связанных с наркотиками, а это вряд ли понравится политикам многих стран.

Примером смерти по причине, связанной с наркотиками, является пожар на дискотеке в Гетеборге. Около 150 чел. погибли в огне, который сознательно зажег один 17-летний подросток. Он рассказал на допросе, что находился под действием кокаина, не был пущен на дискотеку охранником, поэтому решил отомстить и поджечь помещение. Ясно, что подросток не стремился намеренно к тому, чтобы столько людей погибло в огне, но стал бы он прибегать к такому жестокому действию, если бы его сознание не было помутнено наркотиком?

Было бы интересно, если бы полиция многих стран начала собирать статистику преступлений, связанных с наркотиками. Это можно было бы осуществить, беря пробы мочи или крови у всех, кто арестовывается на месте преступления по подозрению в его совершении. Такая мера способствовала бы лучшему пониманию того, какой эффект на общество оказывает злоупотребление наркотиками и, кроме того, какие эффекты вызываются разными препаратами. Тем самым будет опровергнут миф о том, что каннабис обладает только успокаивающим эффектом и что его потребители становятся просто вялыми и апатичными. Мой опыт говорит о том, что многие акты насилия совершаются под воздействием гашиша.

Стратегия

Когда в обществе достигнуто единство мнений относительно опасности наркотиков, тогда можно идти дальше и определить, какая стратегия наиболее подходит для достижения хорошего результата в борьбе.

Важно также знать, как распространяется злоупотребление наркотиками. Даже в этой области царит немало мифов. Один из них – то, что за употреблением наркотиков школьниками стоит организованная преступность. Злые торговцы наркотиками подкарауливают подростков за стенами школы, чтобы сбавить им наркотики. На самом деле почти все, кто пробовал наркотики, получили их через знакомого. Им может быть школьный товарищ, близкий друг, брат или сестра, кто показывает, как это надо делать, и даже доставляет первую дозу. Эффект опьянения зачастую оказывается настолько силен, что дополнительная реклама уже не нужна. Рынок движет себя сам. Организованной преступности не надо ни предлагать первую дозу, ни рекламировать свой товар. Об этом покупатели заботятся сами. Так что организованной преступности остается только удовлетворять запросы рынка. Такая форма распространения, от человека к человеку называется *эпидемической*. Существование подобного процесса признается во всем мире. Все исследования наркотических стереотипов поведения у молодежи ясно показывают, что большинство впервые ознакомилось с запрещенными наркотиками благодаря близким знакомым. Получив первый наркотический опыт и еще не испытав проявления негативных эффектов, они склонны распространять наркотики и дальше.

Отсюда и далее мы будем исходить из двух фактов: наркотики опасны и распространяются эпидемически. Какую стратегию в таком случае следует принять?

Ограничение доступа

Одной из стратегий является попытка ограничить доступ. В течение многих лет ООН, среди прочих, жестко проводила эту линию. Если никакие наркотики не поступают в страну, то нечем и злоупотреблять. Однако все большая интернационализация нашего мира и все более открытые границы продемонстрировали, что усиления таможен и полиции в большинстве стран оказывают только поверхностный, маргинальный эффект на доступность наркотиков. Объемы изъятия наркотиков, сообщаемые таможенными многими стран, составляют самое большее 10% от того объема, который проходит через границу. Такого рода данные должны подвергаться критической оценке, но все же они показывают, как сама таможня рассматривает свои возможности по ограничению доступа в страну наркотических веществ. Несмотря на это, правоохранительные органы большинства государств направляют значительную часть своих ресурсов по борьбе с наркотиками именно на их изъятие. В лучшем случае объяснить приверженность именно такому методу можно лишь в свете другого серьезного вопроса, ведь обогащение преступных группировок, занимающихся торговлей наркотиками, представляет угрозу демократическому обществу. Общество видит свою уязвимость в том, что наркорынок порождает криминальные организации, террористов и диктаторов, и это придает вопросу моральное измерение. Никакое общество не хочет видеть рост высшего класса, обогатившегося на страданиях других людей.

Борьба по ограничению доступа наркотиков в страну должна продолжаться, однако с задачей ограничить

власть, которой обладает организованная преступность, а совсем не для того, чтобы меньше молодых людей начинали потреблять наркотики. В противном случае мы промахнемся мимо цели. Чтобы добиться ограничения спроса, требуются совсем другие меры.

Профилактическая работа

Что, собственно, означает профилактика наркомании? Как следует из названия, это попытка заставить людей не использовать наркотики. Многие сразу же проводят параллель между профилактикой и информированием. Это сравнение неудачно и часто ведет к слабым результатам. Информирование важно, но нужно осознавать не только то, какая информация посылается, как она передается, но и каких результатов можно ожидать в итоге.

По этой тематике проводилось немало исследований. Вот один из примеров массовой информационной работы о вредном воздействии табака в США. Ученые проводили исследование 20 тыс. молодых людей в течение 8 лет. Группа была разделена на 2 части, где одна часть с 10 до 18 лет получала тщательно подготовленную обучающую информацию, а другая часть была оставлена без какой-либо специально направленной информации. По достижении группой 18-летнего возраста было измерено, сколько молодых людей курили. В той части группы, с которой занятий не проводилось, оказалось 27,8% курильщиков. Как же выглядели данные группы, которая в ходе всего срока обучения в школе получала массу специально подготовленной информации об опасности курения? Оказалось, что в возрасте 18 лет курили 27,4% членов группы. Результаты удручающие. Профилактическая программа, направленная исключительно на информирование, оказалась безрезультатной.

Еще один американский эксперимент, в этот раз касающийся информирования о наркотиках. Во времена президента Рейгана проводилась большая кампания против наркотиков. Она велась женой президента, и о ней вспоминают до сих пор. Во многом это определялось характером рекламы, показывавшейся на ТВ, в которой демонстрировалось вредное воздействие наркотиков. В ходе кампании многие общественные организации проводили акции по информированию о наркотиках. Рекламные бюро помогали кампании бесплатно, ТВ-каналы бесплатно предоставляли время для тематических показов. Многие известные люди постарались рассказать, как опасны нелегальные наркотики. До начала кампании в США число молодых людей, пробывавших наркотики, было невероятно высоко. Среди 16-летних число тех, кто хотя бы раз в жизни попробовал нелегальные наркотики, приближалось к 50%. Результатом, достигнутым в ходе кампании, стало то, что общее отношение к наркотикам стало более негативным. Когда общее отношение к наркотикам становится более негативным, меньше людей пробует их. Это тоже было научно доказано в ходе кампании.

Какой же результат был достигнут в итоге? Исследования, проведенные по ее окончании, показали, что только около 30% 16-летних молодых людей пробовали наркотики. Для сравнения, в Швеции в начале 90-х наркотики пробовали примерно 4% молодежи того же возраста.

Я думаю, что посредством одного только информирования лучших результатов достичь нельзя. Если нашим единственным оружием будет только информирование, около 25–30% все равно будут пробовать наркотики.

Значит ли это, что информирование – бессмысленное занятие? Вовсе нет. Оно очень важно, но нужно пони-

мать, для чего. Даже здесь есть, в определенной степени, моральное измерение. Ясно, что молодежь должна получить знание о вредном воздействии наркотиков, чтобы самостоятельно прийти к решению отказаться от их приема. Это долг взрослых. Наши дети не должны обвинить нас в том, что они не имели представления о том, как опасно принимать наркотики и что они ничего не знали. Другой позитивной стороной является то, что благодаря информированию можно завоевать общественную поддержку строго рестриктивной антинаркотической политики. Эта поддержка необходима для использования наиболее действенного способа профилактики наркомании.

Запрет и контроль

Запрет работает, только если он поддерживается общественностью и если есть эффективно работающая контрольная функция. Это утверждение общего плана, которое обычно принимается как бесспорное до тех пор, пока речь не заходит о наркотиках.

Легко провести параллель с вождением автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Тенденция, наблюдаемая по всей Европе, такова, что допустимое содержание алкоголя в крови человека, находящегося за рулем, неуклонно понижается, и скоро приблизится к шведской норме, а в некоторых странах даже к полному запрету. Как этот запрет будет поддерживаться? Удивленными взглядами? Совершенно очевидно, что трезвость водителей будет проверяться полицией. Другого эффективного метода еще не придумано.

Каждый год в Швеции контролируется почти 1 млн водителей, 24 тыс. из них оказываются виновными в управлении машиной в нетрезвом виде и осуждаются к нескольким месяцам тюремного заключения или общественным работам.

Там же действует установка полного неприятия наркотиков, так же, как и в России, запрещено употреблять наркотики. Каждый год полиция берет пробы мочи или крови у 12 тыс. чел., подозреваемых в употреблении незаконных наркотиков. Примерно 90% из них осуждаются за правонарушение и подвергаются соответствующему наказанию. Хотя этот метод обладает высокой частотой попадания (какие еще типы правонарушений выявляются на 90%?), в Швеции он подвергается определенной критике. Напротив, критика «блещет своим отсутствием», когда речь идет о проверке водителей. Наиболее серьезным аргументом является то, что анализ мочи является серьезным нарушением неприкосновенности личности. А разве не является в таком случае нарушением проверка водителей? Ведь, к тому же, в этом случае проверяется во многом больше невиновных.

Отсутствие критики тестирования водителей, несомненно, объясняется тем, что все едины во мнении, что другие методы поддержания запрета дадут худшие результаты.

Как выглядела бы кампания за трезвость за рулем, если бы мы убрали запрет и контроль, оставив только соответствующие обращения к водителям в рамках крупных информационных кампаний? Я еще не встречал защитников такой модели трезвости, но, когда речь идет о наркотиках, именно она имеет много последователей в Европе.

Информационная кампания может быть успешно использована для информирования о запрете, причинах его введения и мерах по его поддержанию.

Самым важным, однако, является наличие контрольной функции. Если какая-либо страна решит ввести штраф за потребление или хранение даже очень малого

количества наркотиков, но у нее не будет достаточного количества хорошо подготовленных полицейских, способных заняться этой проблемой, эффект от запрета будет очень низким.

Это произошло, например, в Англии. В течение многих лет там было запрещено хранение каннабиса. Но за все это время полиция так и не начала противодействие именно каннабису. Ясно, что аресты по этому поводу проводились и в Англии, но, в основном, в совокупности с каким-либо иным проступком или правонарушением. Важно указать на то, что большинство молодых людей могло беспрепятственно потреблять наркотик дома, в клубах и на дискотеках, в общественных местах без того, чтобы их кто-то останавливал. Запрет существовал без контроля, а в таком случае он автоматически перестает действовать.

В результате истощилась народная поддержка запрета, и в стране создалось новое положение, при котором каннабис рассматривается как менее серьезная проблема. После того, как более 50% населения попробует каннабис, у народа трудно сохранить мотивацию на поддержание его запрета.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что народная поддержка требуется не только запрету как таковому. Функция контроля также нуждается в одобрении общественности. В странах, где люди не доверяют своей полиции, возникает новая проблема. Если в полиции распространена коррупция, народ не готов предоставить ей слишком широкий размах в применяемых методах работы.

Как в такой ситуации, которую мы, например, видим в России, где милиционер получает 100 долл. в месяц, тогда как просто для выживания нужно, по крайней мере, 300 долл., можно верить в создание некорруптивной милиции, остается для меня загадкой.

В Швеции полиция долгое время была одним из общественных институтов, который пользовался наиболее сильным доверием народа. Этим может объясняться высокий уровень поддержки шведской рестриктивной политики: 94% взрослого населения выступают против легализации потребления каннабиса, и только 2% — «за».

Какова, в таком случае, наркоситуация в Швеции по сравнению с другими странами? Согласно данным Европейского центра по мониторингу наркотиков и наркозависимости (EMCDDA) при Европейском союзе, в 2001 г. каннабис в Англии пробовали 16% молодых людей в возрасте 15—34 лет, 17% во Франции, 10% в Голландии и 1% в Швеции. Разница очевидная. В указанных странах проводится либеральная политика по каннабису и почти нет или очень слаба функция контроля. В Швеции же есть и ограничительная политика, и контроль.

Контроль важен, но результат приносит не только правовой контроль. Социальный контроль, исходящий от семьи, тоже может быть очень эффективным. Хороший контакт родителей с детьми, родительское присутствие при проведении детьми свободного времени играют большую роль для поддержания на низком уровне потребления наркотиков. Это было доказано рядом крупных исследований, в том числе в Исландии. Чем больше времени родители проводят со своими детьми, тем меньше вероятность того, что дети начнут потреблять наркотики. Еще одно исследование, недавно опубликованное в Швеции, показывает, что тяжелые формы злоупотребления наркотиками встречаются в 3—4 раза чаще среди детей, выросших в семьях с одним родителем.

Формальная поддержка, иными словами, запрет может стать опорой для родителей при воспитании детей. Таким образом, контроль властей может работать совместно с социальным контролем.

Хорошим примером долговременного поддержания проблемы наркотиков на низком уровне является Япония. В этой стране законы по наказанию за наркопреступления были четко сформулированы, но не излишне жестки. Никто не попадает в тюрьму за злоупотребление наркотиками. Для того, чтобы в Японии в течение десятилетий наблюдались самые низкие показатели в злоупотреблении наркотиками среди всех развитых индустриальных стран мира, оказалось достаточным, чтобы власти в своем обращении к населению указывали на аморальность потребления наркотиков, а также того, чтобы общество сплотилось вокруг этого видения ситуации. В стране не больше полицейских, работающих с вопросами наркотиков, чем, например, в России. Разница в том, что социальный контроль в японском обществе рассматривался как чрезвычайно важный аспект борьбы с наркотиками. В тюрьмах Японии находится меньше заключенных, чем в какой-либо западной стране.

Лечение и реабилитация

Лечение и реабилитация не являются мерами по уменьшению злоупотребления наркотиками в обществе. Нельзя излечиться от проблемы наркотиков, поэтому нельзя и ввести массовое принудительное лечение, при котором наркоманы вылавливаются и изолируются на длительное время. Тогда это понятие дает тот же эффект, что запрет и контроль. Добровольное лечение в определенной степени удерживает злоупотребление на низком уровне. Наркоман, находящийся на лечении, не покупает наркотиков и, пусть случайно, но оставляет наркорынок. Проходя курс реабилитации, он и не распространяет заразу, т.е. не привлекает к наркоту новых пользователей. Добровольное желание вылечиться наступает в «карьере» наркомана достаточно поздно. К этому моменту наркозависимый больше не является «привлекательной рекламой» для потенциальных потребителей наркотиков. Поэтому, предложив наркоманам добровольное освобождение от зависимости, мы не можем рассчитывать на сокращение числа новых пользователей наркотиков.

Лечение и реабилитация все равно должны предлагаться, но в другой связи. Речь здесь идет о гуманности, когда общество предлагает помощь человеку, пошедшему «кривой дорожкой». Однако неверно было бы думать, что это — эффективный метод для торможения роста злоупотребления наркотиками.

Координация и руководство

Определившись, на чем основываются наиболее эффективные стратегии, должно быть довольно легко координировать соответствующую деятельность. На самом деле в большинстве стран подобное единство не достигнуто. Знание тех, кто должен бороться с распространением наркотиков, отличается от знания тех, кто принимает решения. Нет согласия ни в целях, ни в методах, ни в определении ресурсов, потребных для достижения целей.

Ни в одной европейской стране нет хорошо разработанной стратегии, скоординированной для достижения четко обозначенной цели в борьбе с наркотиками. В этой области проводится много хорошей работы, однако положительные результаты объясняются скорее удачным сте-

чением обстоятельств, под которым я понимаю ситуацию, когда в стране появляются отдельные сильные, умные личности, занимающиеся проблемой наркотиков в каком-либо властном институте или организации. Современная Швеция — один из примеров. Швеция — вероятно «организованная» страна. Каждый швед является членом, в среднем, более трех общественных организаций. Эти общественные организации в течение последних 150 лет были настоящим «питомником» практически для каждого политического вопроса. Сказанное относится и к проблеме наркотиков.

Когда в Швеции в середине 60-х годов разразилась первая наркоэпидемия, этот вопрос еще не стал предметом широких общественных дискуссий. Уровень знаний общества о предмете был низок, а политики — весьма нерешительны в своих мнениях. Это привело к фатальной ошибке: разрешить выписку амфетамина амфетаминным наркоманам. Злоупотребление наркотиком стремительно подскочило, что привело к созданию организации, выступавшей за общество, свободное от наркотиков. Создание такой организации оказалось возможным благодаря сильной воле одного человека.

Впоследствии эта организация, совместно со многими другими, выступила за более рестриктивную наркополитику. По большому счету, все изменения шведской наркополитики явились результатом неудовлетворения, прошедшего «снизу», а не как декрет «сверху». То есть, когда борьба с наркотиками проводилась лучше всего, в начале 1990-х годов, и на всех уровнях общества существовала относительно хорошо организованная антинаркотическая деятельность, это не было результатом управления или координации каким-либо политическим руководством.

Хорошо это или плохо? Преимущество модели, которая, как в шведском случае, растет снизу, в том, что ей с самого начала обеспечена народная поддержка. Недостаток же в том, что эта деятельность рискует прекратиться сама, если не появится ясного руководства. Кто ответит за рост злоупотребления наркотиками? Общественные организации? Полиция? Школы?

Критика по поводу отсутствия руководства привела к появлению в 2002 году первого шведского «наркогенерала». В его обязанности входила организация борьбы против наркотиков, для чего и был набран штат в 10 помощников. Через полгода после этого премьер-министр решил назначить министра здравоохранения, который также отвечал бы за вопрос наркотиков. Одновременно с этим достаточно серьезные вопросы в сфере наркотиков уже находились в ведении двух других министров: министра социальных вопросов, отвечающего за лечение и реабилитацию, и министра юстиции, отвечающего за деятельность полиции и других правоохранительных органов. Я еще не назвал министра образования, отвечающего за то, чтобы молодежь получила обучение по проблеме наркотиков.

Четкая система руководства, обладающая полномочиями для координации четко сформулированной стратегии, нацеленной на достижение четко обозначенной цели, очень важна для успеха в рассматриваемой области.

Какого результата удастся достичь нынешнему разделенному руководству, зависит от целого ряда факторов. Например, важно то, какими полномочиями оно будет наделено. Даже сравнительно ограниченная информационная кампания может быть радикально усилена масштабными контрольными методами. Соответственно, при

отсутствии наркоманов не столь важно наличие разветвленной сети учреждений по лечению и уходу за ними. Никакое общество не сможет удержать на низком уровне злоупотребление наркотиками, если его усилия не будут поддержаны правовой системой, если полиция не будет преследовать правонарушения, связанные с наркотиками, общество рано или поздно столкнется с наркоэпидемией.

Этому научили нас наши предшественники. Поэтому ООН объединилась вокруг строгой ограничительной антинаркотической политики, которая требует соединенных усилий правовых систем всех стран мира.

Опыт создания практической модели противодействия

Давайте будем исходить из сильно упрощенной модели общества, в котором в течение 5 лет наблюдалась наркоэпидемия.

В построении этой модели мы используем целый ряд предположений, основанных на реальном опыте нескольких стран. Одним из них является то, что около 10% тех, кто пробует наркотики, впадает в зависимость от них на долгий период времени.

В нашем городе живет 50 тыс. чел. 10 тыс. из них — молодые люди в возрасте от 13 до 25 лет. 40% из этих молодых людей, т.е. 4 тыс. чел., пробовали наркотики. Из них 10% начнут серьезно злоупотреблять наркотиками. Группа наркоманов в городе состоит, в своем ядре, из 400 чел. Остаются еще 3600, иногда или просто один раз пробовавших наркотики.

Городские власти провели исследование и проанализировали, что эта проблема означает для города. Обнаружилось, что почти никто из «ядра» злостных наркоманов не работал. Они добывали средства к существованию преступным путем. Некоторые получали свои деньги, помогая продавать наркотики. Большая часть наркоманов совершала разного рода преступления: кражи, вымогательства, грабеж. Многие женщины-наркоманки занимались проституцией. Однако на наркотики приходилась лишь небольшая доля прибылей от сексуальных услуг. Большая часть шла напрямую в карманы организованной преступности. Иными словами, эти 400 человек обеспечивали свое существование не своим трудом. Они получали небольшую поддержку общества, некоторые — от своих семей, но большинство добывало средства к существованию посредством преступной деятельности.

Было также подсчитано, какой психологический урон был нанесен наркоманами их близким. Много дней в году близкие наркоманов отсутствовали на работе по причине тревоги или практических проблем вокруг наркомана. Один из экспертов подсчитал, какие потери дохода получены из-за перерывов в трудовой деятельности, выходов на бюллетень жертв ограблений, совершенных наркоманами.

Городские власти обнаружили также, что многие политические силы получали финансовые средства от орга-

низованной преступности, которые, в свою очередь, получали деньги от проституции и торговли наркотиками. Это начало представлять серьезную угрозу демократии.

Городские власти, в руках которых по воле случая было сконцентрировано распоряжение бюджетными средствами по всем областям, руководили также полицейским управлением и здравоохранением. Они принимали решения по всем бюджетным вопросам, относящимся к защите правопорядка, медицине и образованию. Поскольку представители городских властей разбирались в принципах менеджмента, они решили назначить для решения проблемы специального руководителя.

Его задача была проста — остановить эпидемию. По истечении 4 лет число молодых людей, пробующих наркотики, не должно было превышать 4%, и, следовательно, в зависимости не должно было впасть более 40 человек. Руководитель получил возможность свободно распоряжаться предоставленными ему ресурсами. Хотя городские власти считают, что наркомания — это очень серьезная проблема, и понимают, что она слишком дорого обходится обществу, они не могли предоставить ответственному больше 50 чел. для помощи в решении проблемы.

Через пару недель наркогенерал пришел в городское правление и представил свой план. Он выглядел таким образом:

Сотрудники: 1+3. Координируют деятельность, информируют общественность в целом, а также родителей и учащуюся молодежь в частности.

Наркополиция: 18 чел. Работают в основном на улице, на дискотеках, в местах встреч подозреваемых наркоманов. В своей работе они ориентируются прежде всего на потребителей.

Следователи: 5 чел. тщательно расследуют все преступления, связанные с наркотиками, особенно касающиеся несовершеннолетних.

Прокурор: специалист по наркопреступлениям, работает в тесной связи с полицией и следователями.

Судья: специалист по делам, связанным с наркотиками. Работает судьей в случаях, касающихся молодежи и наркопреступности.

Места лишения свободы: 12 работников тюрем, специально обученных для работы с лицами, злоупотребляющими наркотиками. Работают в отделениях, которые, естественно, полностью «свободны» от наркотиков.

Лечение и реабилитация: 10 специалистов. Некоторые работают в открытых лечебных учреждениях, но большинство — в закрытых местах лечения.

Приведенная модель представляет, конечно, упрощенную схему и может служить в основном для мысленного эксперимента. Она далека от шведской действительности. Индустриальной страной, наиболее близкой к модели, вероятно, можно считать Японию.